

Вечерняя улица Бродского, жемчужный огонь старомодных фонарей, оживленное, торопливое течение толпы к распахнутому подъезду Большого зала Ленинградской филармонии. В этом приливе людей к музыке есть своя поэзия и свой вечный смысл. В натуре человека забыть на время свое насущное, отдаться магии таланта, которому дано внушать, что жизнь, дар жизни так нешуточны, драгоценны.

Елена Образцова, как никто, наделена этой магией. Вот почему на все пять ее концертов в Ленинграде золотой аншлаг, как, впрочем, повсюду, где бы она ни выступала. Бетховен, Шуман, Глинка, Мусоргский, Рахманинов, Скрябин, Свиридов, Пуленк. Форе. Два вечера классической оперетты и вечер испанской музыки — Гранадос и Де Фалья. Почти все эпохи, все стили.

За день до концерта она приходит на репетицию и поет с половины четвертого до семи часов. Позвоните за день до концерта или спектакля любому певцу, и он будет говорить с вами шепотом, будет беречь голос. А Образцова пропевает, по сути, два концерта. С Академическим симфоническим оркестром филармонии повторяет то, что предстоит спеть в вечер оперетты. Потом с пианистом Важа Чачава — завтрашний сольный концерт.

НАЧАЛО всякой репетиции чревато драматизмом. Музыканты уже сил на сцене, их смычки послушны взмаху руки дирижера Альбиса Жюрайтиса, но оркестр такая суверенная и вместе с тем сопротивляющаяся система, которую трудно сразу вырвать из «жизни», из земного притяжения. А тут венская оперетта с ее легкостью, с ее радостью, мотивами обольщения.

Когда Образцова выходит на сцену, ее лицо несет в себе именно это звучание, эти настроения. Она электризует оркестр собой, облучает его своим сиянием, насыщает неотразимо своим присутствием в первые же полчасы. Доводит до той гибкости, податливости, до того пламенного градуса, который так угоден ее натуре художника и стихии творимой музыки.

Сейчас во всем мире идут концерты классической оперетты. Недавно в Лондоне почти два часа я смотрела по телевизору такой концерт Лорина Маазеля из Вены. Иногда казалось, что поют и оркестранты, и публика, и даже сам прославленный maestro Маазель. Думаю, искусство угадывает какую-то потребность дня. Люди устали от тревоги, жестокости и дисгармонии.

Елена Образцова тоже обратилась к оперетте, чтобы добавить миру немного солнца. И чтобы открыть ту часть своей натуры, которая не находила выхода ни в опере, ни в камерной музыке. К примеру, юмор. смешное — ее стихия. А ее женской сущности свойственно бунинское

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ

«легкое дыхание». То, о чем сам писатель говорил: «Такая наивность и легкость во всем, и в дерзости, и в смерти, и есть «легкое дыхание», недуманье». Конечно, Образцова никогда не была бы таким музыкантом, таким мастером, если бы не думала вообще. Но рядом с умеющей думать почти с мужским упором уживается та, другая. Ее Кармен, пожалуй, из этой ее сути. И ее героини оперетт тоже. Как она поет хотя бы «сцену опьянения» из «Периколы»! Какая обольстительная женственность, грациозная, сводящая с ума! Это чувствуют даже оркестранты, хором стучащие смычками после ее головокружительных песенок.

ПОТОМ мы с Важа идем за кулисы, где есть комната с роялем и где его уже ждет Образцова.

— Помнишь, как трудно мне было петь оперетту? — говорит она ему. — Искры из глаз сыпались. А теперь смотрю — ничего сложного...

Она имеет в виду свои былые трудности с высокой тесситурой. Но после того, как за последние годы она спела Адальджиу в «Норме» в нью-йоркском «Метрополитен-опера», Сантуццу в «Сельской чести» и Джованну Сеймур в «Анне Боллейн» в «Ла Скала», сопрановый регистр в ее власти. Она победила технику. Перед отъездом в Ленинград она записывала на пластинку «Пиковую даму». Графиню и Лизу. У нее была даже мысль спеть

все женские партии в этой опере Чайковского. В свое время в театре она исполнила и Гувернантку, и Полину, а Графиня по сей день ее любимая героиня. Когда выйдет диск, театр голоса Образцовой явит нам новое ее создание — Лизу.

Но лицо певицы встревожено. Оказывается, под угрозой срыва вечера оперетты. Заболел солист Большого театра Игорь Морозов, ее партнер. Кто может спасти концерты? Это должен быть очень хороший баритон, знающий немецкий язык, любящий оперетту и способный выучить пять дуэтов и песенку Бони из «Сильвы» за два дня! Называются одно за другим имена, но после телефонных переговоров выясняется: один уезжает на гастроли, другой болен, третий не силен в немецком.

Дополнительная нагрузка для нервов Образцовой! И все-таки она мгновенно сосредоточивается и, отринув все, вступает в работу. Она пропевает с Важа все романсы и все «бисы» предстоящего сольного концерта. Пятнадцать вещей! Пропускает то, что, по ее мнению, в повторении не нуждается: вокальный цикл Шумана «Любовь и жизнь женщины» и бетховенские «Хвала природе» и «Смерть».

Образцова смиренна перед тиранической властью таланта, которым наделена. Об этом она прекрасно пишет в своем итальянском дневнике, когда одновременно пела Сантуццу в «Сельской чести», поставленной Франко Дзеффирелли в

«Ла Скала», снималась в его же фильме (он экранизировал свой спектакль, причем на музыку увертюры снимал большие сцены на Сицилии) и записывала пластинку «Аиды» с Клаудио Аббадо.

«Сию на репетиции «Cavalleria Rusticana», репетирует Франко Дзеффирелли. Он ходит, рассказывает, разводит по сцене статистов. И все что-то делают, суетятся, поют, говорят. Я сижу за столом и думаю: почему я здесь? Как она-залась одна? Почему сижу на сцене Scala и смотрю со стороны на чужие жизни? Это все делает со мной музыка, она моя разлучница и мучительница, она дирижирует моей жизнью, где мне быть, что делать, что петь. Люблю фантазию Франко. Может быть, всего много, всего чересчур, но всегда интересно, всегда зрелище. Мне нравится, что он работает со мной почти без слов. Мы понимаем друг друга без слов. Глазами, жестами, всеми чувствами, кожей. Я работаю в радости — с полной отдачей моей души, нервов, эмоций. Счастлива, как, может быть, никогда в жизни. И никогда в жизни не была такой усталой. Франко делает Сантуццу сицилийскую. Санта маленькая, завернутая в черную шаль, всего пугается, не хочет никого видеть, так как все знают о ее романе с Турриду. Она как тень, из шали виден только один глаз. Все страшно скупое — и взрывы страсти. Идет репетиция... Все уже устали, зовут и хотят домой. А пройдет годы, и будут говорить: был Дзеффирелли, великий мастер кино и сцены!»

В ДЕНЬ концерта мельком видела Важа Чачава. Он ушел из гостиницы часа за три до начала, обдав ледяным электричеством своей сосредоточенности, своей чуждости всему, что не музыка. Не знаю, волнуется ли он перед концертом? А Образцова всегда волнуется страшно.

Природа таланта Образцовой такова, что романсы она всегда поет от себя. Не со стороны глядит на героя или героиню, но всегда: я — емь тот герой или героиня! И при этом — бездна перевоплощений, разнообразие вызванных к жизни характеров! Какое проникновение в стиль каждой исполняемой вещи, какое богатство красок, оттенков в голосе! Ей подвластен и возвышенный театр чувств шумановского цикла, и поднебесье детской чистоты глинковских романсов, и глубокий трагизм Чайковского, и полнота проживания каждого мгновения бытия в музыке Рахманинова.

Все это она пела на высоте своей сути и духа. Это был один из великих ее концертов.

И Важа Чачава играл прекрасно, с редкостным благородством. Их творческий союз с Образцовой длится уже восемь лет. Они много дали друг другу.

Из зала люди подают ей на подпись книгу. Документальный роман, который я написала о ней. Так будет потом на каждом ее концерте. Книга отделилась и от натуры, и от автора, у нее теперь своя

Угеленг wib w 1985

Музыкальные собрания

№ 16 (1308). 1985 г.

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ

Вечерняя улица Бродского, жемчужный огонь старомодных фонарей, оживленное, торопливое течение толпы к распахнутому подъезду Большого зала Ленинградской филармонии. В этом приливе людей к музыке есть своя поэзия и свой вечный смысл. В натуре человека забыть на время свое насущное, отдаться магии таланта, которому дано внушать, что жизнь, дар жизни так нешуточны, драгоценны.

Елена Образцова как никто, наделена этой магией. Вот почему на все пять ее концертов в Ленинграде золотой аншлаг, как, впрочем, повсюду, где бы она ни выступала. Бетховен, Шуман, Глинка, Мусоргский, Рахманинов, Скрябин, Свиридов, Пуленк. Форте-два вечера классической оперетты и вечер испанской музыки — Гранадос и Де Фалья. Почти все эпохи, все стили.

За день до концерта она приходит на репетицию и поет с половины четвертого до семи часов. Позвоните за день до концерта или спектакля любому певцу, и он будет говорить с вами шепотом, будет беречь голос. А Образцова пропевает, по сути, два концерта. С Академическим симфоническим оркестром филармонии повторяет то, что предстоит спеть в вечер оперетты. Потом с пианистом Важа Чачава — завтрашний сольный концерт.

НАЧАЛО всякой репетиции чревато драматизмом. Музыканты уже сидят на сцене, их смычки послушны взмаху руки дирижера. Алысиса Жюрайтиса, но оркестр такая суверенная и вместе с тем сопоставляющаяся система, которую трудно сразу вырвать из «жизни», из земного притяжения. А тут венская оперетта с ее легкостью, с ее радостью, мотивами обольщения.

Когда Образцова выходит на сцену, ее лицо несет в себе именно это звучание, эти настроения. Она электризует оркестр собой, облучает его своим сиянием, насыщает неотразимо своим присутствием в первые же полчаса. Доводит до той гибкости, податливости, до того пламенного града, который так угоден ее натуре художника и стихии творимой музыки.

Сейчас во всем мире идут концерты классической оперетты. Недавно в Лондоне почти два часа я смотрела по телевизору такой концерт Лорина Маазель из Вены. Иногда казалось, что поют и оркестранты, и публика, и даже сам прославленный маэстро Маазель. Думаю, искусство угадывает какую-то потребность дня. Люди устают от тревоги, жестокости и дисгармонии.

Елена Образцова тоже обратилась к оперетте, чтобы добавить миру немного солнца. И чтобы открыть ту часть своей натуры, которая не находила выхода ни в опере, ни в камерной музыке. К примеру, юмор, смешное — ее стихия. А ее женской сущности свойственно бунинское

«легкое дыхание». То, о чем сам писатель говорил: «Такая наивность и легкость во всем, и в дерзости, и в смерти, и есть «легкое дыхание», недуманье». Конечно, Образцова никогда не была бы таким музыкантом, таким мастером, если бы не думала вообще. Но рядом с умелой думать почти с мужским упором уживается та, другая. Ее Кармен, пожалуй, из этой же сути. И ее героини оперетт тоже. Как она поет хотя бы «сцену опьянения» из «Периколы». Какая обольстительная женственность, грациозная, сводящая с ума! Это чувствуют даже оркестранты, хором стучащие смычками после ее головокружительных песенок.

ПОТОМ мы с Важа идем за кулисы, где есть комната с роялем и где его уже ждет Образцова.

— Помнишь, как трудно мне было петь оперетту? — говорит она ему. — Искры из глаз сыпались. А теперь смотрю — ничего сложного...

Она имеет в виду свои былые трудности с высокой тесситурой. Но после того, как за последние годы она спела Адальджиу в «Норме» в нью-йоркском «Метрополитен-опера», Сантуццу в «Сельской чести» и Джованну Сеймур в «Анне-Боллейн» в «Ла Скала», сопрановый регистр в ее власти. Она победила технику. Перед отъездом в Ленинград она записывала на пластинку «Пиковую даму». Графиня и Лизу. У нее была даже мысль спеть

все женские партии в этой опере Чайковского. В свое время в театре она исполнила и Гувернантку, и Полину, а Графиня по сей день ее любимая героиня. Когда выйдет диск, театр голоса Образцовой явит нам новое ее создание — Лизу.

Но лицо певицы встревожено. Оказывается, под угрозой срыва вечера оперетты. Заболел солист Большого театра Игорь Морозов, ее партнер. Кто может спасти концерты? Это должен быть очень хороший баритон, знающий немецкий язык, любящий оперетту и способный выучить пять дуэтов и песенку Бони из «Сильвы» за два дня! Называются одно за другим имена, но после телефонных переговоров выясняется: один уезжает на гастроли, другой болен, третий не силен в немецком.

Дополнительная нагрузка для нервов Образцовой! И все-таки она мгновенно сосредоточивается и, отринув все, вступает в работу. Она пропевает с Важа все романсы и все «бисы» предстоящего сольного концерта. Пятнадцать вещей! Пропускает то, что, по ее мнению, в повторении не нуждается: вокальный цикл Шумана «Любовь и жизнь женщины» и бетховенские «Хвала природе» и «Смерть».

Образцова смиренна перед тиранической властью таланта, которым наделена. Об этом она прекрасно пишет в своем итальянском дневнике, когда одновременно пела Сантуццу в «Сельской чести», поставленной Франко Дзеффирелли в

«Ла Скала», снималась в его же фильме (он экранизировал свой спектакль, причем на музыку увертюры снимал большие сцены на Сицилии) и записывала пластинку «Аиды» с Клаудио Аббадо.

«Сиюю на репетиции «Cavalleria Rusticana», репетирует Франко Дзеффирелли. Он ходит, рассказывает, разводит по сцене статистов. И все что-то делают, суетятся, поют, говорят. Я сижу за столом и думаю: почему я здесь? Как она залась одна? Почему сижу на сцене Scala и смотрю со стороны на чужие жизни? Это все делает со мной музыка, она моя разлучница и мучительница, она дирижирует моей жизнью, где мне быть, что делать, что петь. Люблю фантазию Франко. Может быть, всего много, всего чересчур, но всегда интересно, всегда зрелище. Мне нравится, что он работает со мной почти без слов. Мы понимаем друг друга без слов. Глазами, жестами, всеми чувствами кожей. Я работаю в радость — с полной отдачей моей души, нервов, эмоций. Счастлива, как, может быть, никогда в жизни. И никогда в жизни не была такой усталой. Франко делает Сантуццу сицилийскую. Санта — маленькая, завернутая в черную шаль, всего пугается, не хочет никого видеть, так как все знают о ее романе с Туридду. Она как тень, из шали виден только один глаз. Все страшно скупое — и взрывы страсти. Идет репетиция... Все уже устали, зевают и хотят домой. А пройдут годы, и будут говорить: был Дзеффирелли, великий мастер кино и сцены!»

Е ДЕНЬ концерта мельком видела Важа Чачаву. Он ушел из гостиницы часа за три до начала, обдав ледяным электричеством своей сосредоточенности, своей чуждости всему, что не музыка. Не знаю, волнуется ли он перед концертом? А Образцова всегда волнуется страшно.

Природа таланта Образцовой такова, что романсы она всегда поет от себя. Не со стороны глядит на героя или героиню, но всегда: я — емь тот герой или героиня! И при этом — бездна перевоплощений, разнообразие вызванных к жизни характеров! Какое проникновение в стиль каждой исполняемой вещи, какое богатство красок, оттенков в голосе! Ей подвластен и возвышенный театр чувств шумановского цикла, и поднебесье детской чистоты глинковских романсов, и глубокий трагизм Чайковского, и полнота проживания каждого мгновения бытия в музыке Рахманинова.

Все это она пела на высоте своей души и духа. Это был один из великих ее концертов.

И Важа Чачава играл прекрасно, с редкостным благородством. Их творческий союз с Образцовой длится уже восемь лет. Они много дали друг другу.

Из зала люди подают ей на подпись книгу. Документальный роман, который я написала о ней. Так будет потом на каждом ее концерте. Книга отделилась и от натуры, и от автора, у нее теперь своя

«Сельская честь» (итал.).

судьба. Смотрю и невольно думаю: как странно!..

М ЕЖДУ тем находят певца, который будет петь с Образцовой вечера оперетты. Это молодой солист Кировского театра Владимир Чернов. Он — лауреат Всесоюзного конкурса имени Глинки, Международного конкурса имени Чайковского, конкурса «Вердиевские голоса» в Буссето, конкурса в Хельсинки прошлого года, где получил «Гран-при» и премию имени Тито Гобби.

Важа остается в Ленинграде еще на несколько дней, чтобы позаниматься с Черновым. После первого же урока он говорит: «Большое дарование!».

С Образцовой он встречается сразу на концерте. Жизнь предложила ему форс-мажор, и он принял вызов. О бессонных ночах, обмираниях пульса можно лишь догадываться.

Но никакой робости, скованности, никакого искательного усердия перед прославленной примадонной нет в молодом певце. Он пел в тоне и в стиле венской оперетты, с юмором, не «оперно».

Образцова была в ударе. Ее концерт воскрешал память о прекрасном старом фильме «Большой вальс».

А ПОСЛЕ вечера оперетты публика получила от нее еще два подарка: концерт с пианисткой Людмилой Богомоловой в Малом зале филармонии (кстати, именно там Образцова дала свой первый сольный концерт, когда была студенткой консерватории) и испанские песни и тонадились с оркестром старинной и современной музыки, которым руководит Эдуард Серов.

Дружба для Елены — действие и мощь. Она щедра на доверие, когда видит в другом искру дара.

— Люда — прекрасная пианистка, — сказала Образцова после концерта. — Когда, окончив консерваторию, она участвовала в конкурсе имени Чайковского, ее сравнивали с Клиберном. Потом она уехала в Сыктывкар. Семья, дети... Сейчас работает в Ленинградской капелле. У нас получился концерт, потому что были моменты импровизации. Романсы Рахманинова нужно петь импровизационно. Это я чувствовала всегда. Но раньше я находилась в плену темпа, ритма. И лишь недавно разрешила себе такую свободу. Композитор не может записать в нотах все, чем переполнена его душа. Я столько раз убеждалась в этом, работая с Георгием Васильевичем Свиридовым. Когда я в первый раз спела его «Русскую песню», он закричал: «Это не мое!» И лишь спустя время признал мое исполнение. Так и моего любимого Рахманинова уговорила бы, убедилась в чем-то своем. Ведь я пою, чтобы выразить свою душу и свое видение мира.

Рена ШЕЙКО.
Фото В. Ахломова.